

НАСЛЕДИЕ ТЫРНОВСКОЙ КНИЖНОЙ ШКОЛЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ БОЛГАР О СВОЕМ ПРОШЛОМ ВРЕМЕН ПЕРВОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА В XV–XVI ВВ.

К.и.н., научный сотрудник Анастасия Сергеевна Добычина
(Институт славяноведения РАН, Россия)

THE HERITAGE OF TARNOVO LITERARY SCHOOL AND THE HISTORICAL MEMORY OF BULGARIANS ABOUT THEIR PAST TIME OF THE FIRST BULGARIAN EMPIRE DURING THE 15TH – 16TH CENTURIES

Dr., researcher Anastasia Sergeevna Dobychina
(Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia)

Abstract: The paper analyzes the role of heritage of the Tarnovo Literary School in the preservation of historical memory of Bulgarians about their distant past of the period of the First Bulgarian Kingdom during the 15th – 16th centuries. The investigation shows that due to the heritage of the Tarnovo Literary School and connection with Slavonic Orthodox tradition the historical memory about St. Ivan of Rila and SS. Cyril and Methodius preserved.

Keywords: Tarnovo Literary School, historical memory, St. Ivan of Rila, SS. Cyril and Methodius.

Проблема исторической памяти как одного из компонентов коллективной памяти, соотношения между памятью и историей получила широкое освещение в научной литературе и остается актуальной до сих пор (**Нора, Озуф, Пюимеж, Винок 1999; Репина 2003; Ассман 2004; Хальбвакс 2007; Ле Гофф 2013**). Усилиями ученых разных специальностей было выработано общее понимание феномена исторической памяти, которая рассматривается как «совокупность относительно устойчиво сохраняемых на протяжении двух или более поколений знаний и представлений о коллективном прошлом определенного социума» (**Мельникова 2003, 3; Варьяш 2003, 158–159**).

В последние десятилетия феномен исторической памяти и особенно ее социальные функции активно изучаются в русле болгарской медиевистики (**Вач-**

кова 2010; Каймакамова 2011, Каймакамова 2016, 60–69) и отечественной исторической болгаристики (Польвянный 2013а, 137–145; Польвянный 2013б, 245–261). Это связано, прежде всего, с особенностями исторического развития болгарских земель, длительное время входивших в состав двух империй: Византийской и Османской. Во времена османского владычества именно историческая память о своем прошлом позволила населению болгарских земель не утратить собственную идентичность, чему в немалой степени способствовало сохранение наследия Тырновской книжной школы, его развитие и обогащение в XV–XVI вв.

В первой половине XV в. завоеванная столица Болгарского царства переживает не лучшие времена: усилиями османских властей тырновская кафедра превращается из патриархии в подчиненную константинопольскому патриарху митрополию и приобретает отчетливо греческий «облик» (Тодорова 1997, 32–67). Вместе с тем обозначается заметное усиление и территориальное расширение автокефальной Охридской архиепископии, значение которой возрастает настолько, что на короткий период (с 1532 по 1557 г., т. е. до воссоздания Печской патриархии) она даже получает право управления всеми сербскими епархиями (Тодорова 1997, 67–68). Рост амбиций Охрида в начале XV в. проявляется и в том, что не позднее 1433 г. на славянский язык был переведен «Завет Первой Юстинианы», хрисовул Михаила VIII Палеолога, адресованный Охридской кафедре, что должно было подкрепить притязания Охридского диоцеза на относившиеся к бывшей Тырновской патриархии Видинскую и Софийскую епархии (Селищев 1934, 10–11).

Именно во владения Охридской архиепископии в первой половине XV в. стекаются уцелевшие представители Тырновской книжной школы и их ученики, где они вступают в тесное взаимодействие с сербской литературно-книжной традицией, вплоть до использования сербской ресавской орфографии. В то же время старая болгарская столица Тырново, «дискредетировавшая» себя в глазах султанов непримиримой борьбой с завоевателями и в особенности активным участием Тырновского митрополита Игнатия в Ферраро-Флорентийском соборе и подписанием унии, в XV в. подвергается последовательной и целенаправленной религиозно-политической «дискриминации» (Ждраков 1993, 86). Повышенное внимание османских властей к юго-западным болгарским землям было продиктовано и экономическими интересами молодой империи, желавшей извлечь максимальные выгоды из металлургических разработок в Скопско-Кумановской области и русле реки Рилы, а также рудных месторождений в районе Скопска Црна Гора, что на первых порах было невозможно без привлечения на свою сторону местной балканской знати (Добрев 2007, 149–152). В глазах последней христианское благочестие становится «сословным преимуществом», а на фоне массовых разрушений монастырей и перехода значительной части населения в ислам подвиги святых отшельников и связан-

ные с ними места символизируют христианское православное единение на Балканах (**Добрев 2007**, 154–155).

Так, относительной устойчивостью в этот период характеризуется память о «главном» болгарском отшельнике, прославившемся в X в., – св. Иоанне Рильском, о чем свидетельствует включение службы святому в Скопском минее 1451 г. (**Иванов 1970**, 345–358), появление списков т. н. Народного (безымянного) жития святого (**Янкова 1993**, 155) и широкое распространение переводного жития Иоанна Рильского, написанного Георгием Скилицей (**Ангелов 1977**, 56). Неизменную популярность культа святого в этот период можно объяснить не только длительной и прочной традицией почитания св. Иоанна в болгарских землях в эпоху средневековья, но и значительным вкладом в его развитие самого основоположника Тырновской книжной школы Евфимия Тырновского (до 1331 – между 1402 и 1409). Его Житие св. Иоанна Рильского включает в свой Панегирик 1425 г. дьяк Андрей (**Пандурски 1974**, 225), а со второй половины XV в. именно эта часть наследия Тырновской книжной школы становится фундаментом формирующейся Рильской гимнографической школы и ее рукописной традиции.

Зарождение школы неразрывно связано с возобновлением деятельности Рильского монастыря в период между 1451 и 1460 гг. тремя братьями Иоасафом, Давидом и Феофаном из села Граница Кюстендильской области (**Дуйчев 1947**, 278–287; **Ангелов, Данчев, Кожухаров, Петков 1989**, 39) и одобренным султанским ферманом перенесением в 1469 г. из Тырново через Софию в Рильский монастырь мощей благочестивого отшельника, при активном содействии мачехи султана Мехмеда II, дочери деспота Георгия Бранковича, Марии (Мары) Бранкович, чья резиденция Ежево располагалась в относительной близости от монастыря (**Дуйчев 1947**, 287–296; **Поповић 2014**, 207–252). Таким образом, именно после 1469 г. можно отметить подлинный расцвет книжной традиции почитания святого отшельника.

Подвижничеству св. Иоанна Рильского и судьбе его мощей посвящают свои произведения выдающиеся книжники XV в., последователи Тырновской книжной школы: насельник Жеглиговского монастыря Пресвятой Богородицы Владислав Грамматик и представитель славянизированной ветви некогда влиятельного византийского рода Кантакузинов, Димитрий (**Петканова 1997**, 557–566; **Ангушева, Атанасова, Бояджиев, Гагова, Милтенова и др. 2008**, 642–646), занимавший, по всей видимости, какой-то важный административный пост в юго-западных болгарских землях и, кроме того, связанный родственными узами с Марией Бранкович (**Ангелов, Данчев, Кожухаров, Петков 1989**, 31–32).

По заказу игумена Рильского монастыря Феофана Владислав Грамматик составляет Рильскую повесть как продолжение Жития Евфимия Тырновского, подробно описывающую судьбу мощей св. Иоанна Рильского (**Данчев 1969**,

90–118), а Димитрий Кантакузин – Житие святого с малой похвалой (**Ангелов, Данчев, Кожухаров, Петков 1989**, 26–43) и Службу святому (**Ангелов, Данчев, Кожухаров, Петков 1989**, 58–71), включенную в 1479 г. вместе с Рильской повестью в Рильский панегирик (или Рильский сборник), составленный Владиславом Грамматиком. В него же наряду с произведениями последних входят также жития, поучения и беседы виднейших представителей Тырновской книжной школы XIV в.: Григория Цамблака, Иоасафа Бдинского и др., а также помещается Пространное житие Иоанна Рильского авторства Евфимия Тырновского (**Христова 1996**, 64–109). Дальнейшее продолжение письменной традиции Тырновской книжной школы, связанной с культом св. Иоанна Рильского, выражается в составлении Владиславом Грамматиком вместе со своим учеником Мардарием Рильским (**Петканова 1997**, 576–577) Рильского сборника 1483 г., также содержавшего Житие Иоанна Рильского авторства патриарха Евфимия Тырновского.

Именно Пространное житие Евфимия Тырновского берет за основу для своего Жития Димитрий Кантакузин, заимствуя оттуда сведения о родном для св. Иоанна «Средецком граде, одном из известных с древних времен» (**Ангелов, Данчев, Кожухаров, Петков 1989**, 29). Будучи важной частью наследия Тырновской школы, историческая память о родном для подвижника городе Средец, воспетом еще Евфимием Тырновским как «один из славных и замечательных городов» (**Иванов 1970**, 371), находит свое отражение в рамках формирующейся в XV в. Софийской книжной школы. Исключительное положение Средеца (Софии) как столицы Румелийского бейлербейства со второй половины XV в. и его экономическое благосостояние способствуют не только расцвету книжной традиции в окружающих его многочисленных монастырях (Драгалевском, Лозенском, Кокалянском, Кремиковском, Сеславском и др.) (**Милтенова 1996**, 265–274; **Петканова 1997**, 542), но и пристальному интересу книжников к его историческому прошлому, прежде всего, выдающегося представителя Софийской школы Матвея Грамматика (**Петканова 1997**, 584–589; **Буюклиева 2008**, 5–53). В Житии Николы Нового, дошедшем в списке 1564 г., автор выражает восхищение «одному из знаменитых больших городов», равному которому, по его мнению, «нет во всей Македонии» (**Божилев, Петканова, Милтенова и др. 1986**, 314) и подробно освещает связанные с его историей факты: проведение Сардикийского Собора, мученичество св. Ферापонта Софийского – и прославляет «великого среди постников святого и преподобного... отца Ивана... как цвет, выросшего в вышеупомянутом месте и жившего в нем» (**Божилев, Петканова, Милтенова и др. 1986**, 316–317). За кратким описанием подвижничества Иоанна Рильского следует подробное восхваление чудесных свойств его мощей, которые «помогают не только верным, но и неверным и язычникам, избобличая их неверие» (**Божилев, Петканова, Милтенова и др. 1986**, 317).

Помимо мотива неразрывной связи св. подвижника с его родным городом, в памятниках болгарской книжности XV в. в опосредованном виде сохраняется и сюжет о несостоявшейся встрече св. Иоанна и царя Петра I (927–969), впервые появившийся в Народном житии Иоанна Рильского (**Божилов, Петканова, Милтенова и др. 1986**, 127–130; **Панайотов 1999**, 75–99; **Чешмеджиев, Турилов, Орецкая 2010**, 585–598). Под влиянием Жития авторства Евфимия Тырновского, в котором, в отличие от житий св. Иоанна более раннего времени, исчезает мотив святости царя и его родственной связи с отшельником (**Полывянный 2013**, 144), в Житии и Службе Димитрия Кантакузина из Рильского панегирика этот персонаж присутствует лишь как безымянный «царь» (**Ангелов, Данчев, Кожухаров, Петков 1989**, 33, 63).

В XVI в. благоприятные экономические условия, предоставленные Рильскому монастырю со стороны османских властей, способствуют дальнейшей активной деятельности местных книжников и переписчиков, о чем свидетельствуют списки как Евфимиева Жития святого, так и сочинений Владислава Грамматика и Димитрия Кантакузина (**Дуйчев 1947**, 310; **Петканова 1997**, 541). В то же время почитание св. Иоанна демонстрируют и другие монастыри Юго-Западной Болгарии (как, например, Успенский монастырь на р. Струме и Слепченский), в рукописном наследии которых также зафиксировано почитание рильского отшельника (**Дуйчев 1947**, 311–314; **Ангушева, Атанасова, Бояджиев, Гагова, Милтенова и др. 2008**, 698). В XVI в. цикл об Иоанне Рильском неоднократно редактируется и дополняется новыми произведениями, на базе составленной Димитрием Кантакузином Службы св. Иоанну Рильскому складывается новая Рильская гимнографическая школа (**Петканова 1997**, 577).

Таким образом, память о св. Иоанне Рильском в XV–XVI вв. получает новый импульс, прежде всего, благодаря политическим и экономическим реалиям своего времени. Усилиями книжников юго-западных болгарских земель сохраняются и продолжают традиции Тырновской книжной школы, связанные с почитанием святого. В то же время «исторический» контекст жизненного пути отшельника, очевидно, мало интересовал и самих книжников, и их аудиторию: в центре их повествования – не конкретный человек, живший в определенную эпоху, а широко почитаемый подвижник, родившийся в «столичной» Средецкой земле и достигший такой святости, что лицедреть ее было отказано даже «царю». При этом фигура самого Петра I в цикле, посвященном св. Иоанну Рильскому, «отступает» на задний план.

В то же время вне Рильского цикла память о царе Петре по-прежнему сохраняется: как «святой царь» он фигурирует в Дриновском списке XVI в. Синодика царя Борила (**Божилов, Тотоманова, Билярски 2010**, 149–150), сохранились следы почитания царя Петра и в афонской традиции (**Иванов 1970**, 489; **Милтенова 2016**, 235–236). Очевидно, был востребован и «апокрифический» образ Петра, о чем свидетельствует распространение в данный период

списков «Болгарской апокрифической летописи», по большей части сербского или западноболгарского происхождения (список последней четверти XV в., находящийся в рукописном сборнике № 52 (39) из монастыря Николяц (совр. Черногория) (**Милтенова, Каймакамова 1983**, 68–69) и список из Кичевского сборника, составление которого датируется рубежом XVI – началом XVII вв. (**Турилов 2012**, 504)), а также знаменитая приписка, помещенная первым болгарским первопечатником из Венеции, Яковом Крайковым, в конце составленного им сборника «Различных потребий» 1572 г., сообщающая что «сей извод» Яков обрел в книгах Петра, «царя болгарского, иже беше тому настолни град велики Преслав и умрет в велики Рим» (**Атанасов 1980**, 138; **Цибранска-Костова 2013**, 128–129).

Между тем, на фоне разрушения крупнейших центров книжности Второго Болгарского царства, бегства ее представителей к западные болгарские и сербские земли и приобщения болгарских книжников к ресавской орфографии, сохранение общеславянской православной традиции через Слово в XV–XVI вв. становится главной задачей уцелевших представителей Тырновской книжной школы и их учеников (**Дроснева 1993**, 27–38; **Ангушева, Атанасова, Бояджиев, Гагова, Милтенова и др. 2008**, 617–622; **Турилов 2014**, 479–490). Особую роль в их глазах обретает объединяющее все православные славянские народы дело равноапостольных Кирилла и Мефодия.

В силу неоднозначного отношения самого патриарха Евфимия Тырновского и его ближайших учеников к деятельности знаменитых «солунских братьев» (**Чешмеджиев 2001**, 128–137) историческая память о них в последующие два века носит противоречивый характер. Если считать текст, который дошел в т. н. Дриновском списке Синодика царя Борила XVI в., плодом редакции патриарха Евфимия (**Попруженко 1928**, XCIII–XCVIII; **Чешмеджиев 1993**, 132), то существующее в нем Славословие свидетельствует не только об уважении самого первоиерарха к трудам равноапостольных братьев, но и к сохранению памяти об их исключительной роли в болгарской истории на протяжении последующих двух веков. Так, согласно Славословию, св. Кирилл именуется «новым вторым апостолом», переложившим «Божественное писание от греческого языка на болгарский» и просветившим «болгарский род», отмечаются и заслуги Мефодия, «брата его, архиепископа Моравы Паннонской», «много потрудившегося над славянскими книгами» (**Божилов, Тотоманова, Билярски 2010**, 150).

Присутствующая в Дриновском списке привязка дела «солунских братьев» к болгарской истории сохраняется и в иных памятниках книжности XV–XVI вв. Так, в молдавском списке «Краткого жития («усупения») Кирилла», датированном Б. Ангеловым 1437 г., св. Константин-Кирилл именуется «родом сыном болгаринном», впоследствии крестившим болгар на реке Брегалнице (совр. бывшая югославская Республика Македония) («шед в Брегалницу») и «написав» им «книгы словенским языком» (**Ангелов 1958**, 38–39). В одном из стар-

ших списков «Краткого жития Кирилла» в составе праздничной Минеи начала XV в. (сербской или западноболгарской по происхождению) из Самокова (София, БАН, №23), этот пассаж отсутствует (**Кодов 1969**, 47), однако восприятие св. Константина как покровителя Болгарской земли отражается в употреблении переписчиком более позднего времени формулы XIII в.: «Его же молитвами да утвердит Господь Бог Царство Болгарское во веки веком» (**Кодов 1969**, 47).

Память о св. Кирилле, «учителе болгарском», зафиксирована и в «Часословце» 1566 г., составленном первым болгарским книгопечатником, жившим в Венеции, Яковом Крайковым (**Атанасов 1980**, 72; **Цибранска-Костова 2013**, 76, 96–97). Очевидно, была востребована и апокрифическая версия истории создания азбуки для болгар, о чем свидетельствует присутствие т.н. «Солунской легенды» в составе «Тиквешского» сборника второй половины XV в. (**Иванов 1970**, 282–283; **Ангелов 1967**, 44–62; **Каймакамова 2017**, 284–304).

Как покровитель Болгарской земли воспринимается в это время и св. Мефодий, что явствует из «параллельного» «Краткому житию Кирилла» «Успения Мефодия», в сербском списке 1560 г. не дошедшего до нас среднеболгарского извода XIII в. (**Иванова 1999**, 7–24; **Иванова 2003**, 231–233), в котором равноапостольному Мефодию также приписывается болгарское происхождение («родом сын болгарин») (**Иванова 1999**, 22).

В несколько ином ключе стоит рассматривать и составленное между 1424 и 1426 гг. «Сказание о письменах» уроженца болгарского Костенца и воспитанника Тырновской книжной школы, одним из первых использовавшего ресавскую орфографию, Константина Костенецкого (**Лукин 2001**, 30–70; **Ангушева, Атанасова, Бояджиев, Гагова, Милтенова и др. 2008**, 647–651). Выказывая безусловное почтение свв. Кириллу и Мефодию, он отдает дань традиции их почитания и именует их «дивными мужами» (**Куев, Петков 1986**, 100), «великими в слове» (**Куев, Петков 1986**, 137), «великими в разуме» (**Куев, Петков 1986**, 117). В то же время своего рода реакцией на сложившееся во времена Тырновской книжной школы представление о слабости переводов, выполненных равноапостольными братьями, становится категорическое отрицание Константином Костенецким возможности перевода свв. Кириллом и Мефодием Священных писаний на «дебелейший» болгарский язык, вместо которого они, согласно автору, избрали русский, включающий в себя достоинства всех славянских языков (**Куев, Петков 1986**, 100). Как известно, в «Сказании» отсутствует привязка дела «солунских братьев» к просвещению болгарского народа, на первый план выступает «сознание духовного, культурного и племенного единства православных славянских народов в рамках византийско-православного сообщества» (**Лукин 2001**, 70).

Впоследствии переложение «Сказания» Константина, «Словеса вкратце» (**Куев, Петков 1986**, 290–300) получает широкое распространение как в юго-западных болгарских землях, так и в афонской традиции, о чем свидетельству-

ет как минимум 3 списка «Словес» болгарского происхождения XVI в.: Охридский (Первый Виссарионов) 1547 г., Второй Виссарионов и Хилендарский список XVI в. (Ангелов 1983, 84–87).

Таким образом, историческая память о временах Первого Болгарского царства в памятниках болгарской книжности XV–XVI вв. была сопряжена, прежде всего, с церковной традицией и исключительно активной деятельностью монастырей под юрисдикцией Охридской архиепископии. В то же время значительную роль в сохранении исторической памяти сыграло наследие Тырновской книжной школы, что проявилось в развитии культа св. Иоанна Рильского, создании и распространении посвященных ему и его мощам церковно-богослужебных текстов, а также продолжении традиции почитания свв. «солунских братьев» Кирилла и Мефодия как в качестве «болгарских», так и общеславянских православных святых. Обе эти темы, тесным образом связанные с православной традицией, в свою очередь, выполняли «этносохраняющие» функции и, очевидно, были проявлением «конфессионализации автостереотипа» православных болгар в мусульманском османском окружении (Литаврин, Макарова 1995, 191–215).

ЛИТЕРАТУРА

- Ангелов 1958:** Б. Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1958.
- Ангелов 1977:** Б. Ст. Ангелов. Из историята на старобългарската и възрожденската литература. София, 1977.
- Ангелов 1983:** Б. Ст. Ангелов. Старобългарско книжовно наследство. Т. I. София, 1983.
- Ангелов, Данчев, Кожухаров, Петков 1989:** Б. Ангелов, Г. Данчев, С. Кожухаров, Г. Петков. Димитър Кантакузин. Събрани съчинения. София, 1989.
- Ангушева, Атанасова, Бояджиев, Гагова, Милтенова и др. 2008:** А. Ангушева, Д. Атанасова, А. Бояджиев, Н. Гагова, А. Милтенова А. и др. История на българската средновековна литература. София, 2008.
- Ассман 2004:** Я. Ассман. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва, 2004 (= J. Assmann. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, С. Н. Beck München, 1992).
- Атанасов 1980:** П. Атанасов. Яков Крайков. Книжовник. Издател. График. XVI в. София, 1980.
- Божилов, Петканова, Милтенова и др. 1986:** И. Божилов, Д. Петканова, А. Милтенова и др. Стара българска литература, т. 4. Житиеписни творби. София, 1986.

- Божилев, Тотоманова, Билярски 2010:** И. Божилев, А. Тотоманова, И. Билярски. Борилов Синодик. Издание и превод. София, 2010.
- Буюклиева 2008:** А. Буюклиева. Житие на Николай Нови Софийски от Матей Граматик в контекста на житийната традиция. София, 2008.
- Варьяш 2003:** О.И. Варьяш. Право и историческая память. – В: Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. Москва, 2003, 158–164.
- Вачкова 2010:** В. Вачкова. Белите полета в българската културна памет. София, 2010.
- Данчев 1969:** Г. Данчев. Владислав Граматик. Книжовник и писател. София, 1969.
- Добрев 2007:** И. Добрев. Иван Рилски. Linz, 2007.
- Дроснева 1993:** Е. Дроснева. Поглед към българското историческо познание през XV век. – В: Българският петнадесети век. Сборник с доклади за българската обща и културна история през XV век. София, 1993, 27–38.
- Дуйчев 1947:** И. Дуйчев. Рилският светец и неговата обител. София, 1947.
- Ждраков 1993:** З. Ждраков. Пренасянето на мощите на св. Иван Рилски през 1469 г. в светлината на историческите събития. – В: Българският петнадесети век. Сборник с доклади за българската обща и културна история през XV век. София, 1993, 85–92.
- Иванов 1970:** Й. Иванов. Български старини из Македония. София, 1970.
- Иванова 1999:** К. Иванова. Успение Методиево. – *Palaeobulgarica*/Старобългаристика, 1999, 4, 7–24.
- Иванова 2003:** К. Иванова. Успение Методиево. – В: Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. IV. София, 2003, 231–233.
- Каймакамова 2011:** М. Каймакамова. Власт и история в средновековна България (VII–XIV век). София, 2011.
- Каймакамова 2016:** М. Каймакамова. Ролята на Асеновци за формирането на българската историческа памет в края на XII – средата на XIII в. – В: Великите Асеновци. Велико Търново, 2016, 60–69.
- Каймакамова 2017:** М. Каймакамова. Солунската легенда като извор за идейните настроения на българите в края на XII век. – В: Изследвания в памет на проф. д-р Георги Бакалов (1943–2012). София, 2017, 284–304.
- Кодов 1969:** Х. Кодов. Опис на славянските ръкописи в библиотеката на Българската Академия на Науките. София, 1969.
- Куев, Петков 1986:** К. Куев, Г. Петков. Събрани съчинения на Константин Костенечки. Изследване и текст. София, 1986.
- Ле Гофф 2013:** Ж. Ле Гофф. История и память. Москва, 2013 (= J. Le Goff. Histoire et mémoire. Paris, 1988).

- Литаврин, Макарова 1995:** Г.Г. Литаврин, И.Ф. Макарова. Этническое самосознание болгар в конце XIV начале XVI в. – В: Этническое самосознание славян в XV столетии. Москва, 1995, 191–215.
- Лукин 2001:** П.Е. Лукин. Письмена и православие. Москва, 2001.
- Мельникова 2003:** Е.А. Мельникова. Предисловие. – В: Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. Москва, 2003, 3–8.
- Милтенова 1996:** А. Милтенова. Тенденции към стабилизиране на книжовния процес през XVI век. – В: Българският шестнадесети век. Сборник с доклади от конференцията, посветена на българската обща и културна история през XVI в. София, 1996, 265–274.
- Милтенова 2016:** А. Милтенова. Непроучен препис на Разказа за Зографските мъченици – В: Сребърният век: нови открития. София, 2016, 229–244.
- Милтенова, Каймакамова 1983:** А. Милтенова, М. Каймакамова. Неизвестно старобългарско летописно съчинение от XI век. – *Palaeobulgarica*/Старобългаристика, 1983, 4, 52–73.
- Нора, Озуф, Пюимеж, Винок 1999:** П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. Франция-память. Санкт-Петербург, 1999 (= *Les Lieux de mémoire*. Т. 1. La République. Paris, 1984. Т. 2. La Nation. Paris, 1986. Т. 3. Les France. Paris, 1992).
- Панайотов 1999:** В. Панайотов В. За «Народното» житие на св. Иван Рилски. – В: Преславска книжовна школа, т. 4. Шумен, 1999, 75–99.
- Пандурски 1974:** В. Пандурски. Панегирикът на дяк Андрей от 1425 г. – В: Търновска книжовна школа. 1371–1971, т. 1. София, 1974, 225–242.
- Петканова 1997:** Д. Петканова. Старобългарска литература (IX–XVIII век). София, 1997.
- Полывянный 2013a:** Д.И. Полывянный. Царь Петр в исторической памяти болгарского средневековья Средневековный болгарин и «другие». – В: Сборник в чест на 60-годишнината на проф. дин П. Ангелов. София, 2013, 137–145.
- Полывянный 2013b:** Д.И. Полывянный. К изучению средневекового болгарского историописания. – В: Българско средновековие: общество, власт, история. Сборник в чест на проф. д-р М. Каймакамова. София, 2013, 252–261.
- Поповић 2014:** М. Поповић. Мара Бранковић. Жена између хришћанског и исламског културног круга у 15. веку. Нови Сад, 2014.
- Попруженко 1928:** М. Г. Попруженко. Синодик царя Борила (=Български старини. Книга VIII). София, 1928.
- Репина 2003:** Л.П. Репина. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Москва, 2003.
- Селищев 1934:** А.М. Селищев. Завет Первой Юстинианы. – Македонски преглед, 2, 1934, 9–16.

- Тодорова 1997:** О. Тодорова. Православната църква и българите (XV–XVIII в.). София, 1997.
- Турилов 2012:** А.А. Турилов. Межславянские культурные связи эпохи средневековья и источниковедение истории и культуры славян. Этюды и характеристики. Москва, 2012.
- Турилов 2014:** А.А. Турилов. Исследования по славянскому и сербскому средневековью. Београд, 2014.
- Хальбвакс 2007:** М. Хальбвакс. Социальные рамки памяти. Москва, 2007 (= М. Halbwachs. Les Cadres sociaux de la mémoire. Paris, 1925).
- Христова 1996:** Б. Христова. Опис на ръкописите на Владислав Граматик. Велико Търново, 1996.
- Цибранска-Костова 2013:** М. Цибранска-Костова. Сборникът «Различни потребности» на Яков Крайков между Венеция и Балканите през XVI век. София, 2013.
- Чешмеджиев 1993:** Д. Чешмеджиев. Към въпроса за състоянието на Кирило-Методиевата идея през XV век. – В: Българският петнадесети век. Сборник с доклади за българската обща и културна история през XV век. София, 1993, 129–136.
- Чешмеджиев 2001:** Д. Чешмеджиев. Кирил и Методий в българската историческа памет през Средните векове. София, 2001.
- Чешмеджиев, Турилов, Орецкая 2010:** Д. Чешмеджиев, А.А. Турилов, И.А. Орецкая. Иоанн Рыльский. – В: Православная Энциклопедия, т. 24. Москва, 2010, 585–598.
- Янкова 1993:** В. Янкова. За двата преписа на «Народното житие на св. Иван Рилски» от XV век. – В: Българският петнадесети век. Сборник с доклади за българската обща и културна история през XV век. София, 1993, 155–160.